

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-173-180

СЮЖЕТ ИНИЦИАЦИИ В РОМАНЕ М. МИЛЛЕР «ПЕСНЬ АХИЛЛА»

© Надежда Шалимова

THE PLOT OF INITIATION IN THE NOVEL “THE SONG OF ACHILLES” BY M. MILLER

Nadezhda Shalimova

The article studies the poetics of M. Miller’s novel in the context of the initiation plot representation. The search for the hero is considered as one of the main problems of modern American literature. We use the cultural-historical and comparative methods and the method of narrative analysis in our research. The relevance of the study is the synthesis of approaches to the analysis of the novel “The Song of Achilles” by M. Miller. The study hypothesizes that, the technique of remythologization enables the writer to represent the universality of the human development stages and the crisis trials that adolescents face. The novel is considered both in the context of rethinking of the mythological narrative and in the aspect of representing the archaic model of initiation. The mythological plot basis, which implies plot determinism, makes it possible to emphasize the axiological, emotive discourse and protagonists’ inner changes. The parallel initiation of Patroclus and Achilles explicates the dichotomy of the godlike and the human elements in the inner nature of the characters. Patroclus, being close to the hero, shares his fate. He literally and metaphorically becomes Achilles in the finale of the novel, entering the battle in his armor and under his name. Achilles, on the contrary, shows human features due to the fact that he matures next to Patroclus. The article concludes that the theme of formation and internal evolution of the person in the context of the initiation rite and mythological narratives plays a plot-forming role in modern American literature.

Keywords: M. Miller, initiation novel, process of remythologization, search for the hero, inner change

Статья посвящена исследованию поэтики романа М. Миллер в контексте репрезентации сюжета инициации. Проблематизируется поиск героя в современной американской литературе. В работе использованы такие методы, как культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, метод нарративного анализа текста. Актуальность исследования связана с синтезом подходов к анализу романа М. Миллер «Песнь Ахилла». Выдвигается гипотеза о том, что благодаря приему ремифологизации писательнице удастся показать универсальность этапов взросления и кризисных испытаний, с которыми сталкиваются подростки. Избранное для анализа произведение рассматривается как в контексте переосмысления мифологического нарратива, так и в аспекте репрезентации архаической модели инициации. Мифологическая сюжетная основа, предполагающая сюжетную детерминированность, позволяет сделать основополагающим аксиологический, эмотивный дискурс, эксплицировать внутреннюю трансформацию протагонистов. Параллельная инициация Патрокла и Ахилла эксплицирует дихотомию божественного и человеческого во внутренней природе персонажей. Патрокл, находясь рядом с героем, познает и разделяет его путь, а в финале романа буквально и метафорически становится Ахиллом, вступая в бой в его доспехах и под его именем. Ахилл же проявляет человеческие черты благодаря тому, что взрослеет и формируется рядом с Патроклом. Делается вывод о том, что в современной американской литературе сюжетно-образующую роль играет тема становления, внутренней эволюции человека, которая вписана в архитектуру обряда инициации и мифологический нарратив.

Ключевые слова: М. Миллер, роман инициации, ремифологизация, поиск героя, внутренняя трансформация

Для цитирования: Шалимова Н.С. Сюжет инициации в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 173–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-173-180

Для современной литературы США характерно внутрижанровое смешение, которое воплощается в процессах деканонизации, взаимопроникновения разных жанровых форм, одной из которых является роман инициации. Интерес к репрезентации обряда посвящения в культуре и искусстве подтверждается большим количеством междисциплинарных работ (труды М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла, А. ван Геннепа, Дж. Фрэзера). Роману инициации посвящены работы французских литературоведов (Л. Деом, Л. Селье, С. Вьерн), которые лежат у истоков изучения жанра, а также белорусских (Е. А. Борисеева) и отечественных ученых (М. И. Крупенина, С. М. Подоляк, Л. Е. Чеботарева). В основе романа инициации лежит генетическая связь с романом воспитания. Ключевыми становятся такие категории поэтики, как система персонажей, где протагонист – изменяемая величина, поскольку он переживает внутреннюю трансформацию; сюжетная структура поиска; ретроспективная композиция; повествование от первого лица; темы любви и утраты; мотивы преодоления, освобождения, которые являются сюжетообразующими. В американском романе инициации начала XXI века произведения, с одной стороны, являются событийно насыщенными, с другой, на первый план выдвигается эмотивное пространство через исповедальность повествования, сокращение дистанции между нарратором и читателем. Аксиологический фокус романа инициации связан с утверждением уникальности, неповторимости опыта, индивидуализацией жизненного пути, утверждением национального и культурного разнообразия. В то же время, благодаря архаической схеме посвящения, лежащей в основе романа инициации, показывается универсальность испытаний, с которыми сталкивается человек, проходя путь взросления и самопознания [1, с. 3801]. Так, роман инициации берет на себя социальные функции: влияет на читателя, который, сопереживая герою, взрослеет и меняется вместе с ним.

Примером произведения, в котором сюжет инициации получает оригинальную интерпретацию, является роман современной американской писательницы М. Миллер (Madeline Miller, 1978) «Песнь Ахилла» (The Song of Achilles, 2011). Мадлен Миллер – специалист по античной литературе. В Йельской школе драмы, в которой обучалась писательница, она занималась адаптацией классических произведений под современные формы. Особое внимание М. Миллер привлек миф об Ахилле и Патрокле, героях Троянской войны. Впоследствии эта сюжетная линия стала основой романа «Песнь Ахилла». Над этим ро-

маном, своим дебютным произведением, писательница работала на протяжении десяти лет, по ее словам, «Writing this novel was a ten-year-long journey» [2, с. 414]. – «Написание этого романа стало десятилетним путешествием»¹ (перевод мой. – Н. Ш.). За это произведение М. Миллер была удостоена литературной премии Orange.

Сюжет романа охватывает детство, юношество и зрелые годы героев. Исследователи определяют жанровую специфику произведения как «фанфикшн», который содержит традиции романа воспитания [3, с. 110]. Жанровый синтетизм позволяет подчеркнуть психологическую глубину персонажей, их динамику, исследовать вопрос о божественной и смертной природе человека. Исторической основой произведения становятся события Троянской войны. Процессы ремифологизации/демифологизации типичны для современной литературы [4]. Об этом свидетельствует большое количество произведений, в основе которых лежит мифологический сюжет. С Троянским циклом мифов связан роман К. Вольф (Ch. Wolf) «Кассандра» (Cassandra, 1983). Центральным персонажем романа «Пенелопиада» (The Penelopiad, 2005) М. Этвуд (M. Atwood) является Пенелопа, внутренний мир этой героини играет центральную роль. Взгляд Брисеиды, пленницы, из-за которой разгорается вражда между Ахиллом и Агамемноном, становится ключевым в романе П. Баркер (P. Barker) «Безмолвие девушек» (The Silence of the Girls, 2018). История Клитемнестры и Электры отражается в сочинении «Дом имен» (House of Names, 2017) К. Тойбина (C. Toibin). В произведении К. Маккалоу (C. M. McCullough) «Песнь о Трое» (The Song of Troy, 1998) участники Троянской войны поочередно повествуют о ее событиях. Художественной особенностью этого произведения является наличие нефиксированной фокализации, перемещение «точки зрения», поскольку правом повествования наделяется каждый из участников событий.

Обращаясь к сюжету инициации в современной литературе, необходимо учитывать достижения американской мифокритики (ритуально-мифологической школы): работы У. Чейза, Н. Фрая, а также труды отечественных литературоведов: В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова. Так, сюжетная структура обряда посвящения, а также «мифологический код», лежащий в основе современных произведений о

¹ Действие второго романа писательницы, «Цирцея» (Circe, 2018) также разворачивается в пространстве древнегреческого мифа. Повествование ведется от лица Цирцеи, героини «Одиссеи» Гомера.

взрослении, являются свидетельством закономерной цикличности развития литературного процесса, возвращения к истокам. Исследователи отмечают, что «обращение к мифу широко практиковалось американскими писателями со времен зарождения американской литературы и превратилось в прочную традицию, актуальную в контексте всех литературных и исторических эпох» [5, с. 91]. В эту традицию вписан и роман М. Миллер: во время его создания писательница обращалась к произведениям Овидия, Вергилия, Софокла, Эсхила, Гомера. Эпический пафос гомеровского эпоса сменяется в повествовании М. Миллер глубоко человеческой тональностью, тонким психологизмом. Важным источником для написания романа стал «Пир» Платона (ок. 385 года до н. э.). Платоновский диалог, посвященный описанию отношений Ахилла и Патрокла, по словам М. Миллер, послужил источником вдохновения для написания книги [6].

Для романа «Песнь Ахилла» характерен выразительный, яркий язык, емкий и лаконичный. Лексическое и синтаксическое устройство произведения отличается простотой. Роман лишен сложных предложений, синонимических рядов, развернутых метафор. Переводчица романа на русский язык А. Завозова отмечает: «Это такой ясный, местами лиричный, но очень чистый текст» [7]. М. Миллер продолжает традицию устного пересказа, переложения известных сюжетов аэдами и рапсодами. Песенный характер, музыкальность отражаются и в названии произведения. Еще одна семантическая функция поэтики заглавия – отсылка к «Одиссее» Гомера, которая состоит из песен.

Роман имеет определенный ритмический рисунок. С точки зрения фонетического строя, реализации приема звукописи, произведение делится на три части. Особенной мелодичностью отличается первая часть романа, ее «довоенные главы», поскольку в фокусе оказывается изображение юности и отрочества, переход героев из мира детства во взрослый мир, «годы учений». Вторая часть ассоциируется с «барабанной дробью», «дудением рогов», плеском воды от весел судов, плывущих к Трое [7]. В ней центральная роль отводится участию персонажей в военных событиях, внутренним трансформациям протагонистов.

Фабула произведения оказывается второстепенной, на первый план выходит эмотивное пространство, диалектика и сложность человеческих чувств. Значительная роль в романе отводится древнегреческому пониманию рока. Персонажи романа осознают, что обречены, читатель разде-

ляет это ощущение, поскольку ритмически текст напоминает плач.

Текст лишен исторической достоверности, в нем присутствуют анахронизмы, этнографические неточности, на первый план, как уже было отмечено, выходит общеизвестная история, в которой акцентированы человечность и гуманизм. Нарративную схему романа можно представить довольно сжато: в соответствии с первоисточником, сын царя Пелея и морской богини Фетиды Ахилл отправляется к Трое отвоевывать прекрасную Елену. В результате ссоры с предводителем греческого войска Агамемноном он отстраняется от сражений и теряет своего спутника Патрокла, который вступает в бой вместо друга, облачившись в его доспехи. Затем Ахилл возвращается на поле битвы, чтобы отомстить троянскому царевичу Гектору, убийце Патрокла, и гибнет от стрелы Париса.

Несмотря на то что система персонажей моноцентрична, в центре внимания духовный мир и эволюция протагонистов, второстепенные персонажи прописаны достаточно многогранно и ярко. Мощный Аякс, хитроумный Одиссей, деспотичная и холодная Фетида: древнегреческие герои сохраняют свои архетипические характеристики, но показываются как живые и противоречивые.

В пространство мифа М. Миллер вносит актуальную тематику: детско-родительские конфликты, эгоцентризм, самопожертвование в отношениях. Центральной становится проблема взросления, репрезентированная сюжетом инициации, который встраивается в милитаристскую проблематику. Война играет в романе сюжетообразующую роль, она описывается как хаос насилия и жестокости. Именно военные события становятся рубежом взросления и инициации героев. На идейном уровне романа войне противопоставляются любовь и сострадание.

Как уже было отмечено, М. Миллер не меняет нарратива и семантики мифа, делая основой романа взросление и формирование главных героев, обряд посвящения. Ахилл и Патрокл проходят инициацию одновременно. Патрокл, будучи человеком (его судьба не предрешена заранее, он не имеет божественного происхождения) преодолевает испытания не колеблясь, моральные ценности для него незыблемы. Повествование ведется от его лица. В интервью писательница отмечает: «Мой Патрокл в целом соответствует гомеровскому <...> Гомер говорит, что Патрокл всегда нежен и добр ко всем <...> Нежность и доброта стали основой для характера моего персонажа» [6]. Так, в центре романа «Песнь Ахилла» оказывается второстепенный, на первый

взгляд, персонаж, читатель видит происходящее с его точки зрения². Характеризуя особенности наррации произведения следует отметить, что Патрокл обладает «всеведущей» позицией, его исповедальное ретроспективное повествование продолжается и после наступления физической смерти. Описывая горе Ахилла, наблюдая за ним, он замечает:

«His tears fall, but I cannot wipe them away. This is my element now, the half- life of the unburied spirit» [2, с. 374]. – «Слезы его текут, но я не в силах осушить их. Теперь мое существо – полуживой неуспокоенный дух» [9, с. 371].

В другом эпизоде, вспоминая ранние впечатления детства, описывая маму, рассказчик фиксирует:

«And where are we? I do not recognize the beach, the view of coastline. So much has passed since then» [2, с. 18]. – «Да и где это мы? Я не узнаю ни берега, ни береговой линии. Столько воды с тех пор утекло» [9, с. 16].

Так, сознание рассказчика становится связующим звеном, объединяя прошлое и настоящее.

Патрокл описывается как нищий изгнанник: во время ссоры он случайно убил сверстника, поэтому был вынужден покинуть родной город и искать приют при дворе царя Пелея. Подчеркивается ординарность внешности Патрокла, его заурядность. Герой описывает себя как неприметного и ничем не выдающегося человека, «дуррачка»:

«Quickly, I became a disappointment: small, slight. I was not fast. I was not strong. I could not sing» [2, с. 15]. – «Отец быстро во мне разочаровался: мал, тщедушен. Я не был сильным. Не был проворным. Не умел петь» [9, с. 13] (здесь и далее перевод А. Завозова. – Н. Ш.).

На этом контрасте особенно выразительно показывается его внутренняя сила и благородство. Такая репрезентация традиционно сопряжена с мотивами святости, душевной чистоты.

Дорогим сердцу Патрокла воспоминанием является воспоминание о матери:

«It is the only memory I have of my mother and so golden that I am almost sure I have made it up. After all,

it was unlikely for my father to have allowed us to be alone together, his simple son and simpler wife» [2, с. 16]. – «Это единственное мое воспоминание о матери, и оно до того золотое, что я почти уверен, будто его выдумал. В конце концов, отец вряд ли позволил бы нам остаться вдвоем наедине, своему глупому сыну и еще более глупой жене» [9, с. 14].

Светлый образ матери навсегда остается в душе Патрокла, хотя он почти не знал ее.

Путь изгнания/инициации героя начинается со случайного убийства мальчика, который оскорбил его, указав на то, что отец стыдится такого сына, назвав Патрокла трусом (a coward). Именно это событие становится точкой невозврата для юноши, первым событием его инициации:

«I stared, my throat closing in horror at what I had done. I had not seen the death of a human before» [2, с. 18]. – «Я в ужасе уставился на него, горло сжалось от содеянного. Раньше я никогда не видел, как умирает человек» [9, с. 16].

Признавшись в содеянном, герой навсегда покидает дом:

«This was how I came to be ten, and an orphan» [2, с. 21]. – «Вот так десяти лет от роду я остался сиротой» [9, с. 19].

Оказавшись во дворце царя Пелея, который приютил мальчика, Патрокл становится изгоем, поскольку ведет себя молчаливо, замкнуто:

«No one spoke to me. I was easy to ignore. It was not so very different from home, really» [2, с. 25]. – «Никто со мной не говорил. Меня легко было не замечать. Что здесь, что дома — невелика, по правде сказать, разница» [9, с. 24].

После этого он долгое время страдает бессонницей, к нему приходят разные видения, беспокойные сны, так проявляются муки совести юноши:

«The boy came, night after night, with his staring eyes and splintered skull <...> I would wake, choking on my horror, and stare at the darkness until dawn» [2, с. 25]. – «По ночам мальчик являлся мне снова и снова – с широко раскрытыми глазами, с разможенным черепом. <...> Я просыпался, давясь ужасом, и до самого рассвета вглядывался в темноту» [9, с. 23].

Все меняется, когда Патрокл становится другом Ахилла. Гнетущий период его жизни сменяется более спокойным. Сюжетные линии этих персонажей с самого начала неразрывно связаны. Образ Патрокла противоречит богоподобному

² Этот же прием используется в романе М. Миллер «Цирцея», в котором рассказчиком становится Цирцея, «богиня, которая была изгоем в божественном обществе и которую не принимали люди, боясь гнева бессмертных» [8, с. 198].

Ахиллу, с юных лет ловкому и прекрасному. Уже в первой главе, вспоминая детство, рассказчик противопоставляет себя Ахиллу:

«My own father watches with envy. His wife is stupid and his son too slow to race in even the youngest group» [2, с. 9]. – «Мой отец глядит на него <Ахилла> с завистью. Его жена глупа, а отпрыску не по силам состязаться даже с самыми юными бегунами» [9, с. 8].

В портретном описании Ахилла акцентируется красота и внешнее величие, присутствуют «постоянные» для этого героя эпитеты: «златокудрый» (golden-haired), «быстроногий» (swift-footed). Он любимый сын царя и богини, прирожденный воин. Патрокл становится спутником и товарищем Ахилла несмотря на то, что Фетида противится их дружбе. Чтобы отдалить Ахилла от Патрокла, она отправляет сына к Хирону, мудрому кентавру, который должен обучить мальчика. Нарушая запрет, Патрокл следует за ним. Для него это вновь означает побег, уход от предыдущей жизни, переход в лиминальный период:

«I ran. Away from the palace, down the path towards the woods, feet stinging as they slapped the heat-baked ground» [2, с. 55]. – «Я побежал. Прочь от дворца, по дороге, ведущей в лес, обжигая стопы о выжженную солнцем землю» [9, с. 53].

После этого побега, когда у героя нет никакой надежды на счастливый исход, Ахилл спасает его, дождавшись у дороги. Юноши, подобно неофитам, начинают совместное обучение у Хирона, он становится их наставником:

«I am a centaur, and a teacher of men. My name is Chiron» [2, с. 60]. – «Я кентавр, наставник мужей. Меня зовут Хирон» [9, с. 59].

Так, период жизни во дворце царя сменяется для героев «годами учений».

Топосом для взросления персонажей выбран остров Скирос, на котором Фетида укрывает Ахилла от войны. Кентавр учит героев всему тому, что может им пригодиться во взрослой жизни, делится мудростью и опытом:

«For Chiron liked to teach, not in set lessons, but in opportunities» [2, с. 61]. – «Так мы начали учиться, если это можно было назвать учением. Хирон предпочитал обучать не на уроках, а на примерах» [9, с. 60].

Несмотря на разницу статусов и физические отличия, Патрокл не воспринимает Ахилла как соперника, их параллельная инициация лишена состязательности:

«I saw then how I had changed. I did not mind anymore that I lost when we raced and I lost when we swam out to the rocks and I lost when we tossed spears or skipped stones» [2, с. 79]. – «Меня больше не заботило, что я проигрывал, когда мы бегали наперегонки, проигрывал, когда мы плавали к скалам, проигрывал, когда мы метали копьа или швыряли камушки у воды» [9, с. 78].

Важным моментом в отношениях героев является исповедь Патрокла перед Ахиллом. Когда он рассказывает другу об убитом мальчике, то понимает, что его путь мог быть иным, если бы он солгал. Так, честность и прямота определили его жизнь, стали ключевыми в его судьбе.

Период отрочества сменяется зрелостью, мальчики понимают, что повзрослели:

“Sixteen was our last year of childhood, the year before our fathers named us men, and we would begin to wear not just tunics but capes and chitons as well” [2, с. 139]. – «Шестнадцатый год был последним годом нашего детства, через год отцы провозгласят нас взрослыми мужами, и мы будем носить не только хитоны, но и хламиды или гиматии» [9, с. 138].

В соответствии с проклятием, которое дано Ахиллу при рождении (ему предначертано совершить подвиг, обрести славу и погибнуть юным), он отправляется к стенам Трои. В противовес этому, героическому, в характере Ахилла, в становлении его характера подчеркивается человеческая сущность: юношеская робость, уязвимость. Эксплицитно разворачивается эволюция юноши, история взросления, превращения в воина, обретения мужества. Фокус переносится с внешнего сюжета на внутренний: взросление и самопознание героев.

После того, как Патрокл становится спутником Ахилла, именно он фиксируют те изменения, которые происходят с героем. Непоколебимость Патрокла, твердое следование принципам морали становятся внутренней мерой для Ахилла³. Известная сцена с пленницей Брисеидой в этом контексте является одной из ключевых, поскольку так проверяются внутренние качества героев. Для Ахилла важными являются тщеславие и гордыня:

«My life is my reputation <...> It is all I have» [2, с. 242]. – «Моя жизнь – это моя честь <...> Это все, что у меня есть» [9, с. 240].

³ Симптоматичным представляется тот факт, что Патрокл становится лекарем, находит свое призвание в исцелении, в то время как самореализация Ахилла связана с военным делом.

Для Патрокла – это гуманизм и сострадание:

«There is no honor in betraying your friends» [2, с. 242]. – «В предательстве друзей чести нет» [9, с. 240].

Кульминационными эпизодами в пути инициации персонажей становятся финальные сцены романа, когда Патрокл вступает в битву вместо Ахилла, под его именем, в его доспехах. Персонажи словно меняются сущностями. Результатом этого героического жеста становится гибель Патрокла. Он не обладает такой физической силой, навыками ведения боя, проворностью и умением обращаться с оружием. Символично, что он идет в бой в доспехах Ахилла и под его именем, метафорически берет на себя тяготы пути другого, его бремя, именно это губит юношу:

«I imagine how Achilles would do it, feet planted to earth, back muscles twisting. He would see a gap in that impenetrable armor, or he would make one. But I am not Achilles» [2, с. 362]. – «Представил, как бы сделал это Ахилл – утвердив на земле ноги, напряжив спину. Но я не Ахилл» [9, с. 360].

Патрокл оказался готов принести в жертву свою жизнь ради продолжения героического пути Ахилла. Брисеида подчеркивает благородство поступка Патрокла, его жертвенность:

«He fought to save you, and your darling reputation. Because he could not bear to see you suffer!» [2, с. 368]. – «Он сражался, чтобы спасти тебя и твою драгоценную славу. Потому что он бы не вынес твоих страданий!» [9, с. 366].

Внутренняя эволюция Ахилла эксплицитно проявляется в финальном разговоре с матерью, когда он отказывается от собственной божественной природы, более важным для него оказывается отомстить Гектору за гибель Патрокла:

«“He is a mortal,” she says. “And mortals die.” “I am a mortal!” he screams. “What good is godhead? <...> What good are you?”» [2, с. 379] / «– Он смертный, – говорит она. – Смертные умирают. – Я тоже смертный! – орет он. – На что нужна эта божественная природа? <...> На что нужна ты?» [9, с. 377].

Параллельная инициация Патрокла и Ахилла позволяет эксплицировать дихотомию божественного и человеческого во внутренней природе персонажей. Патрокл, находясь рядом с героем, познает и разделяет его путь, а в финале романа вступает в бой в его доспехах и под его именем. Ахилл же проявляет человеческие черты благодаря тому, что взрослеет и формируется

рядом с Патроком. Патроклу удастся сделать его лучше, человечнее:

«I had found a way through the endless corridors of his pride and fury» [2, с. 277]. – «Я нашел выход из бесконечных коридоров его гордыни и ярости» [9, с. 275].

От изнеженного самовлюбленного принца, каким Ахилл представлен в начале романа, тщеславного и жестокого воина, каким он становится в кульминационных военных эпизодах, он проходит путь до человека, который испытывает сострадание, горечь утраты, и совершает выбор в пользу того, чтобы погибнуть как смертный:

«“He is a man,” Apollo says. “Not a god. Shoot him and he will die”» [2, с. 382]. – «– Он – человек, – отвечает Аполлон. – А не бог. Стреляй, и он умрет» [9, с. 378].

После смерти персонажей их прах перемешивают, в знаково-символическом пространстве романа этот жест означает взаимопроникновение человеческого и божественного, их единство.

Таким образом, можно отметить, что в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» сюжет инициации реализуется одновременно в судьбах двух юношей: Ахилла, который имеет божественное происхождение, и Патрокла, обладающего исключительно человеческой сущностью. Инициация персонажей воплощается в трехчастной сюжетной структуре: они сегрегируются из привычного мира, переживают лиминальный период, в котором их сопровождает наставник, затем инкорпорируются в социум. Путь посвящения Ахилла и Патрокла сопряжен с познанием трех таинств: священного, смерти, сексуального [10, с. 164]. Персонажи познают сакральное, встречаются со смертью, переживают телесное осознание себя.

Несмотря на то что судьба Ахилла предрешена свыше и, казалось бы, ключевым пространством для проявления внутренней силы и мужества для него должен стать бой, инициация персонажа связана с проявлениями человеческого: доброты, милосердия, любви. М. Миллер «переворачивает» классическую сюжетную схему инициации: герои расстаются с привычной жизнью, переживают период ученичества, участвуют в событиях взрослого мира [10] (в фабуле романа это Троянская война). Однако «проверяют», «испытывают» их ситуации, в которых необходимо проявить мягкость, человечность, сострадание. Для Ахилла первым таким событием становится встреча с Патроком, он смог разглядеть челове-

ческую сущность юноши вопреки сословным предрассудкам. Диалектика, амбивалентность внутренней природы Ахилла акцентированы в эпизодах, в которых герой проявляет негативные черты характера: малодушие, тщеславие, жестокость. Одним из таких событий становится встреча с Брисеидой и готовность пожертвовать ей. То же происходит во время боя, когда Ахилл теряет голову и становится не человеком, но жестоким убийцей. Поскольку герои переживают инициацию одновременно, сюжетная линия Патрокла, право повествования, которым он наделяется, подчеркивают эволюцию Ахилла, его внутренние трансформации. Гибель Ахилла в финальной сцене романа, хоть и предсказанная и ожидаемая с момента начала повествования, становится примером победы добра и любви. Этим озаглавлен положительный исход инициации персонажей, которая представлена в нетрадиционном ключе: с точки зрения событийности это, скорее, а н т и и н и ц а ц и я (и Патрокл, и Ахилл погибают в финале романа). Но с позиции внутренних изменений инициация успешно пройдена персонажами, поскольку человеческие качества, которые они проявляют, оказываются первостепенными.

В повествовании доминирующей становится гуманистическая тональность, в центре внимания рассказчика – человеческие чувства, сомнения, нравственный выбор. Своеобразием романа является изображение инициации с заранее предпрешенным финалом: читатель знает, что, в соответствии с мифическим нарративом, оба героя погибнут. В пространстве архаического обряда посвящения смерть неофита означает, что инициация им не пройдена, но в структуре романа М. Миллер событийная канва становится периферийной. Это позволяет автору сделать первостепенными психологический и морально-нравственный дискурсы, проблему взросления и внутренней эволюции персонажей. Таким образом, инициация происходит не в момент боя (его исход определен априори) и зависит не от физической силы героев и их смелости, а во время принятия решения, когда они совершают этический выбор.

Делая выводы, можно отметить, что роман «Песнь Ахилла» является примером переосмысления классического сюжета и его разворачивания к социально-нравственным и философским вызовам современности. Отмечая вписанность романа М. Миллер в контекстуальное поле произведений на мифологические сюжеты, стоит отметить его оригинальность. В творчестве У. Фолкнера (W. Faulkner, 1897–1962) мифологические структуры становятся основой для по-

строения собственной оригинальной мифологии («Авессалом, Авессалом!» / “Absalom, Absalom!””, 1936). В романах Дж. Апдайка (J. Updike, 1932–2009) за счет синтеза реального и мифологического создается двуплановость художественного мира («Кентавр» / “The Centaur”, 1962). В романах современных американских писателей Д. Тартт (D. Tarrt, 1963) «Тайная история» / “The Secret History”, 1992, Ф. Рота (Ph. Roth, 1933–2018) «Людское клеймо» / “The Human Stain”, 2000 античные образы и сюжеты выполняют сюжетообразующую роль как во внешней (на уровне фабулы), так и во внутренней структуре текста. М. Миллер же, сохраняя мифологическую основу, смещает акценты: в романе можно наблюдать процесс трансформации смыслов за счет удвоения сюжетной ситуации (параллельная инициация Ахилла и Патрокла) и введения индивидуальных авторских символов. Мифологический нарратив становится ключевым элементом интертекстового пространства современной литературы США и позволяет эксплицировать проблему взросления. М. Миллер делает ключевой проблему нравственного выбора, заостряет психологические нюансировки и внутренние сомнения персонажей.

Список источников

1. Шалимова Н. С. Поэтика романа инициации в современной литературе США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3800–3803.
2. М. Miller. The Song of Achilles. NY: Ecco Press, 2011. 416 p.
3. Попова А. В. Трансформация античных образов и мотивов в романе М. Миллер «Песнь Ахилла». М.: «Прометей», 2021. С. 108–134.
4. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М: Флинта, 2019. 500 с.
5. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 91
6. Михайлов Е. М. Миллер: про любовь Ахилла Патрокла... URL: <https://daily.afisha.ru/brain/16694-madlen-miller-pro-lyubov-ahilla-i-patrokla-vedm-feministok-i-zevsa-nasilnika/> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Завозова А. Слово переводчику. URL: <https://www.labyrinth.ru/now/pesn-ahilla/> (дата обращения: 20.05.2023)
8. Колмогорова И. С. Интерпретация образа ведьмы/Цирцеи в мировой литературе: от Гомера к Мадлен Миллер // Рязань: Слово. Словесность. Словесник. 2022. С. 195–198.

9. Миллер М. Песнь Ахилла / М. Миллер; перевод с английского А. Завозовой. М.: Corpus, 2021. 384 с.

10. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

References

1. Shalimova, N. S. (2022). *Pojetika romana initsiatsii v sovremennoi literature SShA* [The Poetics of the Initiation Novel in Modern US Literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 15. No. 12, pp. 3800–3803. (In Russian)

2. Miller, M. (2011). *The Song of Achilles*. 416 p. NY, Ecco Press. (In English)

3. Popova, A. V. (2021). *Transformatsiya antichnykh obrazov i motivov v romane M. Miller "Pesn' Ahilla"* [Transformation of Ancient Images and Motifs in M. Miller's Novel "The Song of Achilles"]. Pp. 108–134. Moscow, Prometei. (In Russian)

4. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v hudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. 500 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

5. Ermolenko, O. V. (2020). "Mifotvorchestvo" i "individual'no-avtorskoe mifotvorchestvo": problema

razgranicheniya ponjatiy ["Myth-Creation" and "Authorial Myth Creation": The Issue of Differentiating the Notions]. O. V. Ermolenko. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 13. No. 3, pp. 91. (In Russian)

6. Mikhailov, E. M. *Miller: pro lyubov' Ahilla i Patrokla...* [M. Miller: About Love of Achilles and Patroclus]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/16694-madlen-miller-pro-lyubov-ahilla-i-patrokla-vedm-feministok-i-zevsa-nasilnika/> (accessed: 10.05.2023). (In Russian)

7. Zavozova, A. *Slovo perevodchiku* [The Translator Takes the Floor] URL: <https://www.labirint.ru/nov/pesn-ahilla/> (accessed: 20.05.2023). (In Russian)

8. Kolmogorova, I. S. (2022). *Interpretatsiya obraza ved'my/Tsirtsei v mirovoi literature: ot Gomera k Madlen Miller* [Interpretation of the Image of Witch/Circe in World Literature from Homer to M. Miller]. I. S. Kolmogorova. Pp. 195–198. Ryazan', Slovo. Slovesnost'. Slovesnik. (In Russian)

9. Miller, M. (2021). *Pesn' Ahilla* [The Song of Achilles]. M. Miller; perevod s angliiskogo A. Zavozovoi. 384 p. Moscow, Corpus. (In Russian)

10. Van Gennep, A. (1999). *Obryady perehoda* [The Rites of Passage]. 198 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Russian)

The article was submitted on 18.06.2023

Поступила в редакцию 18.06.2023

Шалимова Надежда Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
shalimovans@mgpu.ru

Shalimova Nadezhda Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City University,

4 Vtoroi Selskohoziastvennyi proezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
shalimovans@mgpu.ru